

УДК 81

О ДИСКУРСИВНОМ СТАТУСЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

В. Р. МУРАВЛЕВА

E-mail: VR.Muravleva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современных информационных войн, актуальность которых значительно возросла на фоне глобализации коммуникативных процессов и информатизации общества. Речевая коммуникация все чаще выступает важнейшим средством разделения людей и конструирования антагонистических структур. Автор, следуя постулатам системно-деятельностного подхода, предложенного Московской психолингвистической школой, предпринял попытку раскрытия дискурсивной природы современных информационных войн.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативная деятельность, системно-деятельностный подход, информационное противоборство, информационная война.

*«Война – это способ развязывания зубами
политического узла, который не поддается языку»*

Амброз Гвиннет Бирс

Введение

Цель статьи заключается в раскрытии коммуникативной природы современных информационных войн и определении их дискурсивного статуса.

Актуальность изучения дискурсивной природы современных информационных войн определяется активными глобальными коммуникативными процессами распространения текстов, актуализирующих противоположные идеи, ценности, значения, понятия и реализуемых в коммуникативном пространстве публичного речевого общения.

Теоретической основой статьи послужили работы таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, Т. А. ван Дейк, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Е. Г. Князева, Г. А. Копнина, Е. В. Сидоров, Л. Н. Синельникова, А. П. Сковородников и ряда других.

Достоверность работы обеспечивается комплексным характером исследования, а также совокупным использованием мультидисциплинарного методологического поля в рамках системно-деятельностного подхода.

Основная часть

Война идет в ногу с человечеством с древнейших времен. С развитием общества она меняла свой облик, становясь все более изощренной и кровавой. Веками ученые пытались разглядеть за ее внешними проявлениями саму суть феномена противоборства, истинные причины его возникновения.

Чаще всего принято говорить о войне в аспекте различных экономических (деньги, драгоценные металлы, полезные ископаемые), политических (обладание властью), социальных (неравенство в различных сферах) и других подобных «материальных» причин. Однако при более детальном рассмотрении данного феномена становится очевидным, что противоречия, возникающие между противоборствующими сторонами, обусловлены более глубинными факторами, а именно различием концептов, ценностей, норм, традиций, знаний. Объективные факторы окружающей действительности (например, свободные территории, перенаселенные страны, природные и материальные ресурсы, преобладающие у того или иного государства) не могут быть рассмотрены в качестве истинных базовых основ начала ведения вооруженного конфликта, так как без их субъективной интерпретации участниками конфликта они не представляют собой особой значимости.

Война – это особый тип развития деятельностей и взаимоотношений между людьми, общностями, следовательно, в их основе, безусловно, лежит общение. «Именно коммуникационные процессы способны обеспечивать более глубокую и устойчивую форму доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения или насилия. При этом под коммуникационными процессами следует понимать деятельность, состоящую в производстве и восприятии языковых знаков и обеспечивающую специфическую смену между экстерииоризацией (выражением во внешней форме) духовной деятельности и обратным превращением экстерииоризованной духовной деятельности в содержание сознания» [1, С. 387–388].

Язык, с одной стороны, обеспечивает взаимодействие людей, объединяя их в различного рода группы и союзы, а с другой стороны, разделяет их, способствуя образованию антагонистических социальных, экономических, политических и других структур. Конфликт интересов, идей, концептов, видений и ценностей участников общения перерастает в войну исключительно в тех случаях, когда индивиды и/или группы индивидов не смогли прийти к эффективному сопряжению своих деятельностей посредством открытого и равноправного речевого взаимодействия и вынуждены прибегнуть к другим средствам. Чаще всего в таких случаях применяются силовые способы разрешения конфликтов и достижения физического превосходства.

В современных условиях в связи с активными глобализационными процессами, проявляющимися «на общемировом, континентальном и региональном уровнях и выражающимися, в частности, в интеграционных процессах, затрагивающих все сферы жизнедеятельности людей, народов и государств» [2, с. 86], а также бурным развитием информационных технологий, средств и методов их использования приоритет силового преимущества сменился информационным превосходством – способностью собирать, обрабатывать и распределять непрерывный поток информации, препятствуя аналогичным действиям противника.

Г. М. Маклюэн писал, что «истинно тотальная война – это война с помощью информации» [3, с. 211]. Используемая в современных противоборствах информация обладает не меньшей, а иногда даже большей разрушительной силой, чем борьба, введущаяся различными видами вооружения. Такая информация способна нанести непоправимый ущерб объекту воздействия, вплоть до его полного уничтожения. Частичный перенос традиционных концепций вооруженной борьбы в информационное пространство с учетом но-

вых угроз и вызовов сегодня обеспечивает возможность взаимной глубокой интеграции различных поражающих факторов и технологий. В настоящее время человек постоянно оказывается в самом центре той или иной информационной атаки, а порой даже и не одной, несущей волну разрушительной энергии, направленной как на массовое, так и на индивидуальное сознание. На фоне данных процессов особую значимость приобрели **информационные войны**, ставшие сегодня одним из основных и уже привычных факторов окружающей действительности. В настоящем исследовании под «информационной войной» мы будем понимать «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения для получения определённого преимущества в материальной и/или идеологической сфере, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [4, с. 95].

В ходе информационного противоборства стороны чаще всего ставят перед собой следующие задачи:

1. Продвижение идей, разжигающих различного рода розни (расовые, национальные, конфессиональные и др.), провоцирование конфликтов (межнациональных, внутринациональных, межрасовых, межконфессиональных); стимулирование и поддержка сепаратизма и иных антиправительственных тенденций;

2. Поддержание в обществе благоприятного для инициатора информационной атаки (войны) мнения по поводу противоречивых событий, явлений, поступков и т.п.;

3. Навязывание противнику ложных или бессодержательных сведений, так называемого «информационного шума», в целях лишения его возможности адекватно воспринимать окружающую действительность, а также принимать решения, противоречащие целям и задачам инициатора информационного воздействия;

4. Пропаганда насилия, разрушение духовных ценностей общества, навязывание стереотипов и стандартов в различных областях жизнедеятельности (воспитании, образовании, здравоохранении и др.) и аксиологических систем, выгодных воздействующей стороне.

При решении данных задач инициатор информационной войны «использует энергию, заложенную в человеке. Она берется из «головы» того, на кого оно действует, и он сам себя уничтожает, «заставляет» себя выполнять разные поступки, болеть или вылечиваться. Но это делает именно он сам. Надо только грамотно и в хорошо упакованном виде ему подать соответствующие исходные данные — информацию» [5, с. 54].

Образ реальности, возникающий в сознании человека подвержен внешнему влиянию и внутренним субъективным особенностям восприятия. Поскольку индивид замечает, видит и отражает в сознании то, что считает важным, постольку и различие коммуникативного мира ценностей, мировоззрений, реализуясь в языковых знаках, приводит к противостоянию, противоборству идей, мнений, интенций, воплощающихся в текстах участников речевой коммуникации. В связи с этим одной из важнейших характеристик современных информационных войн можно считать то, что они, существуя в дискурсивной реальности, функционируют целенаправленно, реализуя праг-

матические интенции коммуникантов для эффективного воздействия на сознание адресата посредством манипулятивных технологий, в рамках которых первоочередную роль в скрытном внедрении в сознание реципиента установок, стереотипов, целей, желаний и отношений, несовпадающих или вовсе противоречащих тем, которые имеются у него на данный момент играет именно искусное владение словом.

Продуманность выбора языковых средств и диапазон целенаправленно используемых коммуникативных тактик и стратегий реализации текстов информационных войн в большинстве своем способствуют достижению успеха одной из противоборствующих сторон, подчинению объекта влияния, а также делают возможным нивелирование всяких его попыток к сопротивлению, а уже через трансформацию индивидуального сознания осуществляется корректировка в нужном инициаторам информационного противоборства направлении устоев этноса и социума конкретной страны, компаний, групп, против которых ведется информационная борьба. В связи с этим информационные войны можно назвать «самым интеллектуальным вариантом военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом. Если обычная война нацелена на тело человека, то информационная или смысловая – на его разум» [6, с. 6].

Мы полагаем, что в терминах речедетельностного подхода информационная война может быть представлена как «переживание отправителем необходимости знаковыми средствами управлять деятельностью другого в интересах собственной жизнедеятельности и побуждаемая этим переживанием активность по соотносению своей речевой деятельности с представлениями о различных свойствах адресата» [7, с. 59–60]. Иными словами, информационные войны представляют собой специфический вид коммуникативных отношений между их участниками, в рамках которых осуществляется распространение текстов, актуализирующих противоположные идеи, ценности, значения, понятия и реализуемых в коммуникативном пространстве публичного речевого общения.

Сочетание в природе информационных войн лингвистической (тексты) и экстралингвистической (прагматические цели и условия общения) составляющих наводят нас на мысль о возможности дискурсивного трактования рассматриваемого нами феномена.

В попытке проанализировать данную лингвистическую дилемму обратимся к понятию «дискурс».

В наиболее узком значении понятие «дискурс» включает в себя исключительно языковую составляющую (сам текст), иными словами, в данном случае он приравнивается к некоему речедетельностному продукту. При этом содержание (тема) дискурса определяется не одним отдельно взятым текстом, а интертекстуально, то есть совокупностью входящих в него текстов: «дискурс – это принципиально открытая система. <...>. Дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства. <...> Дискурсивность следует рассматривать как тот признак текста, который характеризует его открытость метасистеме дискурса при понимании под последним совокупности однородных текстов» [8, с. 120–123].

Тексты современных информационных войн, безусловно, должны рассматриваться в совокупности, в метатекстовом единстве, так как цикличность

реализации воздействующих коммуникативных тактик и стратегий подразумевает постепенное введение в процесс общения концептов, ценностей и знаний, выгодных адресанту этих текстов. При анализе единичного текста весьма сложно, а порой даже и невозможно определить истинные прагматические интенции автора.

На данном этапе нашего исследования мы приходим к выводу о том, что тексты информационных войн являются речедейательностным продуктом, функционирующим не обособленно, а интертекстуально. Данное умозаключение подтверждает наше предположение о дискурсивном статусе современных информационных войн.

Однако порождение и функционирование текстов осуществляется не в вакууме. «Коммуникативные или интеракциональные цели дискурса или последовательности действий могут планироваться и быть понятными не просто в терминах окончательных результатов или конечных состояний, то есть локально как цели конечных предложения или действий, а только как цели пропозиций, речевых актов и действий более высокого уровня» [9, с. 50]. Для адекватной интерпретации речевых сообщений необходимо знание общих условий реализации речевой и связанной с ней неречевой деятельности. В связи с пониманием этого современная лингвистика выходит далеко за пределы традиционного представления о языке как о замкнутой системе и непременно рассматривает его во взаимосвязи с мышлением человека, культурой и социумом в целом. Антропоцентрическая парадигма предлагает исследователю анализировать человека в языке и язык в человеке.

Так, в широком понимании дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, в ходе которого реализуется совокупность текстов, объединенных общей архитемой и обусловленных экстралингвистическими факторами (хронотопом, психо-когнитивными, социальными и другими характеристиками коммуникантов, особенностями каналов передачи информации и т. д.). При таком подходе дискурс анализируется не только как изолированный результат речевой деятельности, но и как тип интеракции между коммуникантами, реализованный в определенном контексте.

Возникновение современных информационных войн обусловлено теми или иными обстоятельствами действительности, которые формируют у их инициаторов необходимость осуществить коммуникативную деятельность по производству и восприятию текстов определенного содержания, направленных на конкретного реципиента. Кроме того, информационные войны не являются однонаправленным коммуникативным процессом. Они представляют собой последовательность интеракций, реализуемых речевыми средствами, между автором, имеющим определенные манипулятивные цели, и адресатом (широкой аудиторией). При этом каждая из сторон посредством текста и в процессе своей речевой деятельности преследует и отстаивает личные интересы, ценности и стремится к приобретению превосходства над другой, что представляется возможным ввиду неоднократного изменения вектора общения – смены коммуникативных ролей.

Отдельно стоит отметить, что в информационных войнах, как и практически в любом институциональном дискурсе, стремление участников процесса общения к достижению коммуникативного успеха и информационного превосходства подразумевает под собой некие властные отношения между коммуникантами, проявляющиеся в неравнозначном положении участников ин-

теракции: чаще всего можно выделить доминирующего и зависимого участника общения. С учетом первостепенности воздействующей функции в текстах современных информационных войн можно сделать вывод о том, что в них адресант владеет инициативой процесса взаимодействия, и именно его речевые ходы определяют и направляют процесс развития коммуникации. О.С. Иссерс отмечала, что «феномен речевого воздействия, в первую очередь, связан с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия» [10, с. 21], регулирующего речевую, а с ее помощью и неречевую деятельность своего собеседника.

Иерархические отношения между коммуникантами определяются их символической властью (социальным статусом/ролью, знаниями, возможностями) над теми или иными составляющими коммуникативной ситуации (коммуниканты, выбор хронотопа, референта, средств реализации дискурса). При этом данное превосходство является не властью конкретного индивида (автора текста), а, скорее, проявлением власти определенной социальной, идеологической и т. п. позиции и/или составной части «властной организации», к которой принадлежит говорящий или реципиент. В связи с этим можно утверждать, что специфические «властные» отношения между участниками информационных войн оказывают непосредственное воздействие не только на тексты, но и на дискурсивную реальность в целом, посредством включения не только вербальных элементов, но и влияющих на них условий их реализации. В свою очередь, контроль над сознанием партнера по интеракции обеспечивает контроль над его деятельностью (как речевой, так и не речевой), трансформируя ее так, чтобы она соответствовала ожиданиям и интересам инициатора информационной войны.

Современные информационные войны ведутся в интердискурсивном информационном пространстве, представляющим собой неоднородную поликодовую среду, объединяющую в себе разнообразные речевые практики, жанрово-стилевые и институциональные виды дискурса [11, с.38]. Противоборство ведется в различных сферах человеческой жизнедеятельности: политика, экономика, реклама, наука, образование, что обуславливает некое разногласие среди ученых в вопросе отнесения текстов информационных войн к тому или иному дискурсу (политическому, рекламному, медиа, экономическому и др.). Изучение воздействующих текстов исключительно с точки зрения сферы их функционирования (вне учета специфических свойств информационных войн – цикличности, многоаспектности, особого прагматического статуса и структуры коммуникативной ситуации, в которой они разворачиваются) ограничивает кругозор исследователя, в результате чего при анализе отдельно взятых составляющих рассматриваемой системы «получаются... элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают целым рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить» [12, с. 46].

В связи со сказанным выше, мы полагаем возможным считать информационную войну самостоятельным типом дискурса, целью которого является достижение информационного превосходства в различных сферах жизнедеятельности общества (зачастую в нескольких одновременно), позволяющее коммуникантам посредством управления текстами создать в сознании противоборствующей стороны искаженную картину мира и способствующее вне-

сению соответствующих изменений в речевую и, в дальнейшем, в неречевую деятельность противника.

Заключение

Таким образом, опираясь на вышесказанное, мы полагаем, что объектом воздействия в информационной войне является когнитивная и психическая сферы индивидов, их идеи, мышление, установки, представления, ценности, понятия. В связи с этим мы приходим к заключению о том, что современная информационная война разворачивается в коммуникативном пространстве – пространстве эпистемологическом, знаниевом, смысловом, в котором языковые средства порождают, передают и хранят смыслы, способные трансформировать действительность в сознании реципиента информации. В результате коммуникативного воздействия, представляющего собой стратегически спланированные циклы текстов, реализованных посредством определенных лексических, стилистических средств и грамматических конструкций, картина мира реципиента может существенно измениться. Перечисленные выше специфические характеристики информационного противоборства позволяют нам констатировать **дискурсивный статус информационных войн.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Муравлева, В. Р.* Информационно-психологическая безопасность в эпоху информационных войн / В. Р. Муравлева. – Текст : непосредственный // Материалы международной научно-технической конференции «Системы безопасности». – 2019. – № 28. – С. 386–389.
2. *Манойло, А. В.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролова. – Москва : Горячая линия – Телеком, 2012. – 542 с. – Текст : непосредственный.
3. *Маклюэн, М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн; перевод с английского В. Г. Николаева. – Москва : Гиперборей; Кучково поле, 2007. — 464 с.– Текст : непосредственный.
4. *Копнина, Г. А.* Речевое манипулирование: учебное пособие / Г. А. Копнина. – Москва : Флинта: Наука, 2018. – 176 с.– Текст : непосредственный.
5. *Расторгуев, С. П.* Информационная война / С. П. Расторгуев. – Москва : Гелиос АРВ, 2006. – 240 с. – Текст : непосредственный.
6. *Почепцов, Г. Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов. – Москва : Алгоритм, 2015. – 256 с. – Текст : непосредственный.
7. *Сидоров, Е. В.* Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. — Москва : ЛКИ, 2008. – 232 с.– Текст : непосредственный.
8. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 200 с. – Текст : непосредственный.
9. *Дейк, Т. А. Ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с. – Текст : непосредственный.

10. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е издание / О. С. Иссерс. – Москва : ЛКИ, 2008. – 288 с.– Текст : непосредственный.

11. *Хабаров, А. А.* Формирование дискурсивной компетенции в реалиях информационно-психологической войны XXI века / А. А. Хабаров. – Текст : непосредственный // Военно-филологический журнал. – 2021. – № 4. – С. 33–46.

12. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – Москва, 1956. – 368 с. – Текст : непосредственный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Муравлева Валерия Романовна, преподаватель кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

E-mail: VR.Muravleva@mail.ru

TO THE DISCURSIVE NATURE OF THE MODERN INFORMATION WARFARE

Abstract. The article deals with the modern information warfare that has become extremely challenging on the background of the communicative processes of globalization and society informatization. Speech communication is becoming the most important means of separating people and construction of antagonistic groups. The author of the article, within the “system of activities” approach, tried to demonstrate the discursive nature of the modern information warfare.

Keywords: discourse, communicative activity, a system of activities approach, information warfare, information confrontation.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Muravleva Valeriya Romanovna, Lecturer of the Department of English (First Foreign Language) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

14 Bol'shaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation

E-mail: VR.Muravleva@mail.ru